

Обращает на себя внимание тот факт, что переименованию подвергаются именно антропонимические годонимы. Хотя нам представляется, что подобные названия следует сохранять как дань истории. Название улицы – это своеобразная страница истории города, это особый памятник его многовековой жизни. «Микротопонимы, – как справедливо отмечает Л.А. Климова, – выполняют функцию «аккумуляции памяти» – исторической, событийной, мировоззренческой, языковой и иной – материальной, вещной и духовной» [3: 231].

Антропонимические годонимы г. Белгорода свидетельствуют о том, что как явление социального порядка городская топонимия отражает изменения, происходящие в жизни общества, в истории города. В этих названиях живет память о людях, прославившихся своими делами, внесших особенный вклад в историю города, страны. Поэтому лингвистическое изучение названий улиц требует привлечения данных историко-культурного развития города, его географических особенностей, требует обращения к экстралингвистическим факторам.

Литература

1. Белгород. Путеводитель по городу. – Белгород, 2001. – 121 с.
2. Голикова, Т.А. К вопросу о сущности регионального языка / Т.А. Голикова // Актуальные проблемы филологии. – Барнаул, 1998. – С. 77-79.
3. Климова, Л.А. Микротопонимия в региональном онимическом пространстве: аспект взаимодействия единиц / Л.А. Климова // Теория языкознания и русистика. – Н. Новгород, 2001. – С. 230-233.
4. Лингвистическое отечествоведение. – Липецк, 2001. – 245 с.
5. Матвеев, А.К. Тезисы о топонимике / А.К. Матвеев // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1974. – С. 55-58.

*А.И. Жиленков (Белгород, НИУ «БелГУ»)
zhilenkov@bsu.edu.ru*

Автобиографические записки Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского, и Фотия (Спасского), архимандрита Юрьевского, в свете проблемы жанра

Аннотация. В статье исследуется традиционалистская поэтика мемуарно-биографического жара. Предметом рассмотрения является жанровая форма как фактор особого типа средневекового художественного мышления. Мемуарно-биографические произведения представлены различными жанровыми модификациями, которые изучаются в соответствии с литературным процессом эпохи. Своеобразие биографизма в духовной литературе XVIII-XIX веков в воплощении традиционалистской поэтики. Внимание концентрируется, прежде всего, на изучении традиционалистской поэтики мемуарно-биографических жанров, воплощенной в «каноне» и «законе».

Ключевые слова: русская литература XVIII-XIX веков, традиционалистское содержание и форма, жанр, биография, автобиография.

Abstract (Summary). This article examines the traditionalist poetics of biographical heat. The subject of consideration is the genre as a factor of particular medieval type of artistic thinking. Biographical works are represented in various genre modifications, which are studied in accordance with the literary process of the era. The originality of biographism in the spiritual literature of the XVIII-XIX centuries in the embodiment of traditionalist poetics. Attention is

focused primarily on the study of traditionalists poetics of biographical genres, embodied in the «canon» and «norm».

Keywords: Russian literature of the XVIII-XIX centuries, traditionalist content and form, genre, biography, autobiography.

Мемуарно-биографические произведения являются неотъемлемой частью русской духовной словесности XVIII-XIX веков. Жанровая специфика определяется переходностью этого периода от традиционалистской эстетической эпохи к эпохе художественной модальности, когда художественное мышление перестает быть сугубо жанровым. Средневековый биографизм, также как и система жанров средневековой литературы, в XVIII-XIX веках не отмирает, продолжая существовать в церковной среде. Духовная литература обогащалась множеством переводных и самостоятельных произведений. Две жанровые разновидности духовного мемуарно-биографического текста подчиняются традиционалистской поэтике: «жанровый канон» и «жанровый закон».

Жанровый канон – это конкретный образец произведения со своим создателем, образцовый текст вкупе с автором. Жанровый закон – это общий принцип, отвлеченный от конкретного образа-носителя, то есть «закон», включающий любой образцовый текст как одну из своих потенций. Однако «канон» в таком понимании довольно рано сходит с историко-литературной арены, передавая нормализующую роль «закону», и поэтому термин «канон» в данной работе будет использоваться как дань традиции обозначения литературной формы, которая максимально совпадает с образцовой нормой и воплощает традиционалистский идеал. Поясним: вместо «канона» следовало бы использовать развёрнутый термин: «строгий жанровый закон». В случае, когда между формой и нормативным образцом дистанция будет увеличиваться, мы будем использовать термин «жанровый закон». Жанровый канон уступает место жанровому закону, объединяющему в жанровое целое тему, композицию и стиль.

В соответствии с логикой исследования обратим внимание, прежде всего, на те мемуарно-биографические тексты духовной литературы, которые по жанровой специфике необходимо отнести к «закону», а не к «канону». Форма канона максимально совпадает с образцовой нормой и воплощает традиционалистский идеал. Соответственно тексты имеют прикладной характер, касаясь отправления церковного культа и дидактики и подчиняясь внелитературным задачам. Названия мемуарно-биографических произведений, воплощающие жанровый закон, уже не представляют собой жанровые определения с указанием предмета повествования. Они не входят в состав «обобщающих жанров» и не представляют собой «первичные формы» для образования более сложно организованных текстов, таких как четьи минеи, прологи, патерики, истории. Они не представлены в духовной литературе в различных тематических объединениях.

В отмеченный период мемуарно-биографические произведения развиваются в направлении жанрового закона, сформировавшегося еще в традиционалистскую эпоху и воплотившего средневековый тип биографизма. И по-

тому можно выявить такие жанровые образования, как агнографический жанровый закон, летописный жанровый закон, жанровый закон хождений, исповедей и пр. За жанровыми обозначениями Нового времени: записками, дневниками, автобиографиями и т.п. – четко просматриваются традиционалистские установки «основных» жанровых законов, выполняющих синтезирующую функцию по отношению к «дополнительным».

Жанр понимается нами как речевое высказывание. Мемуары, таким образом, это речевое высказывание о своей жизни, о самом себе. Жанр становится формой, воплощающей смысл высказывания, обращенного к самому себе. Как правило, записки и дневники создаются не для публикации, пишутся для себя. Структура высказывания обозначается в духе Нового времени либо записками, либо дневниками, которые в большей степени ориентируются на летописный жанровый закон. Содержание жанровой формы воплощается как агнографическое, для которого жанрообразующим становится хронотоп «кризисного жития».

Предметом нашего рассмотрения являются автобиографии православных подвижников Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского, и Фотия (Спасского), архимандрита Юрьевского. Биографии этих людей представляют интерес не только как исторический источник, отражающий религиозно-философское мировоззрение, церковное сознание, специфическое эстетическое видение жизни, детерминированное культурой эпохи и художественным мышлением, но и как жанровая форма, воплотившая соответствующий идеологический комплекс. В записках Иоасафа и Фотия общим как раз и является агнографический хронотоп.

«Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествие в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского» [2] и «Из записок архимандрита Фотия» [1] – это записки по годам тех событий, которые связаны, прежде всего, с религиозной деятельностью этих подвижников. Традиционализм мышления проявляется и в отборе жизненных событий (ранний выбор поприща, служба священником, болезни, сновидения, пророчества), в самом принципе их выстраивания в сюжете, и в видении жизни Иоасафом как «путешествия грешника», а Фотия – как борца против господствовавшего в тогдашнем обществе мистического настроения, или, по его собственному выражению, «против масонов, иллюминатов, методистов, Лабзина, Сионского вестника и прочих». «Приходит Святая Пасха – и вызывается сверх чаяния старый ратоборец Фотий на подвиг» [1: 930]. Автобиографии русских подвижников сближаются по форме, структурно с летописным каноном, по идейному содержанию и символично-богословскому смыслу – с житийным каноном.

Погодный принцип записей у Иоасафа и Фотия более напоминает древнерусские летописи: воспоминания лапидарно фиксируются Иоасафом и очень пространно Фотием, тогда как отбор событий соответствует агнографическим задачам. Содержание записок Иоасафа полностью согласуется с житийным каноном, в начале повествования традиционно говорится о рождении праведника от благочестивых родителей. Сразу же после первой запи-

си о рождении (1705), пропуская рассказ о детстве, Иоасаф говорит о своем отроческом стремлении к монашеству. Его настойчивое желание стать монахом осуществилось уже в 1725 году.

События жизни, освещаемые в записках Иоасафа и Фотия, отражают их священническую деятельность. И Иоасаф, и Фотий характеризуются как смиренные аскеты, строгие молитвенники и постники. Их пример оказывает сильное влияние на общество: пример Иоасафа – на братию монастыря, которая предлагает архиепископу Киевскому Рафаилу (Заборовскому) устроить в обители архимандрию и назначить архимандритом отца Иоасафа; пример Фотия – на тогдашнее петербургское общество и высшее духовенство.

Типологические записки Фотия можно отнести к монашеским житиям-биографиям, отличительная особенность которых связана с целостным повествованием о жизни монашествующего праведника. Биографические факты становятся для Фотия предметом подробного рассказа и отдельные традиционные агиографические мотивы – «монах в миру», «монах и князь», «монах и царь», «монах и императрица», «молитва монаха» и т.п. – разрабатываются как целостные законченные рассказы, которые непременно приурочены к церковным праздникам. Например, записи за 1822 год открываются рассказом о событиях, происходивших в течение Великого поста и на Пасху. *Каждодневно Авва Фотий был зван то к тем, то к другим лицам на беседу о Господе, о Церкви, о вере, о спасении души; на беседу же собирались знатные ученые бояре и боярыни, ревностные к слову и делу Святой Церкви и вере, и по беседе в доме учреждаемы были пиром и ястием во славу Божию* [1: 931]. О себе Фотий рассказывает, в отличие от Иоасафа, в третьем лице, ориентируясь, таким образом, на роль составителя собственной биографии именно по житийному образцу. Повествование о себе в третьем лице подчеркивает объективность позиции составителя.

Повествуя о своей жизни, Иоасаф много внимания уделяет к ее мистической стороне. Весьма краткие записки снабжены тремя рассказами о пророческих снах и видениях: 27 сентября 1740 года во время болезни рассказ о видении святителя Афанасия. В марте 1741 года на Крестопоклонной неделе видение того же святого Афанасия и 10 сентября 1742 года сновидение о преосвященном Рафаиле, архиепископе Киевском, и предречении им сана архимандрита Иоасафу. Фотий в своих записках предельно реалистичен, мистическим событиям в его повествовании места не находится, события его жизни сводятся к борьбе за истинную веру с противниками православия.

В целом автобиографии Иоасафа (Горленко) и Фотия (Спасского) представляют собой различные варианты осмысления жизни по образцу жанра жития. Они выстроены в соответствии с агиографическим жанровым законом житий святителей.

Литература

1. Из записок архимандрита Фотия // Русский архив. – 1869. – 30. – С. 930-944.
2. Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествие в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского // Литературные памятники Белгородчины. Антология. – Белгород: Белгородская областная типография, 2008. – С. 12-15.